

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация. Статья посвящена отражению пространственных отношений и описанию средств их выражения в чувашском языке. Современная лингвистическая мысль проявляет все более возрастающий интерес к отражению пространственных связей в языке и речи. Объясняется это тем общеуниверсальным их характером, который проявляется через систему многомерных структур, специфично преломленных в речевых ситуациях. Все многообразие форм, присущее связям в пространстве, отражается прежде всего лексико-синтаксическими средствами, значениями предлогов (последлогов) и падежей. Языковое моделирование пространства специфично, язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов выражения пространственных представлений. Данная категория в чувашском языке репрезентируется на всех знаковых уровнях, и они выражают пространственные значения в тесном взаимодействии друг с другом, что обусловлено системно-целостным характером языка.

Ключевые слова: *пространственная ментальность, когнитивный анализ, пространственные отношения, репрезентация концепта, номинативный и коммуникативный уровни языка, языковое моделирование пространства.*

Актуальность исследуемой проблемы. В чувашском языковедении нет системного описания средств пространственной локализации, эти вопросы чувашскими лингвистами были освещены лишь в некоторых грамматических трудах. Последние десятилетия ознаменовались возросшим интересом к специфике национальных языков и культур, в том числе и к вопросам исследования средств репрезентации поля пространственности в разных языках. Чувашский язык не стал здесь исключением.

Материал и методика исследований. Статья основана на фактическом языковом материале, извлеченном из разноаспектных словарей чувашского языка, текстов художественных произведений, фольклора и изданий периодической печати. Теоретической базой для систематизации и интерпретации собранного материала и его анализа выступают данные современных лингвистических исследований по разноструктурным языкам по обозначенной в данной научной статье проблеме, которые используют в качестве ключевых слов термины «менталитет», «ментальность», «концепт», «концептосфера». В работе применялись сравнительно-сопоставительный, концептуальный анализ, сравнение, обобщение и абстрагирование.

Результаты исследований и их обсуждение. Статья представляет собой исследование категории пространственности с учетом разнообразных языковых средств номинативного и коммуникативного уровней чувашского языка. Вводимые в научный оборот

© Семенова Г.Н., 2016

Семенова Галина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: gncemenova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.04.2016

данные расширяют наши представления о характере структурирования пространства одним из самых древних тюркских языков и дополняют имеющиеся в грамматических трудах по чувашскому языку выводы и обобщения по средствам выражения пространственной ментальности в этом языке.

Среди множества универсальных концептов, к которым обращались в последние десятилетия взгляды исследователей-лингвистов, свое достойное место должен занять и концепт «пространство». Данная категория рассматривалась с точки зрения философии, физики, астрологии, геометрии, лингвистики. Сложность и многогранность этого понятия очевидны. Все многообразие пространственных отношений в объективной действительности отражается через мышление человека.

Ю. М. Лотман очень точно охарактеризовал специфику пространственной ментальности: «Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой “здоровый смысл”. При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое. <...> На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [8, с. 296]. Известный когнитолог Е. С. Кубрякова полагает, что «пространство – это обобщенное представление о целостном образовании между небом и землей (целостность); <...> при сознательном разглядывании окружающего в ходе поворотов головы в направлении “вверх – вниз”, “вперед – назад”, “справа – слева”, т. е. во все стороны, человек может охватить все простирающееся вокруг него, в котором находится он сам» [6, с. 84–93]. Надо отдать должное и чувашским исследователям вопросов национальной ментальности и ее специфики, в частности трудам профессора Г. А. Ермаковой [3].

Освоение пространства каждым этносом уникально: в познании окружающего мира, формировании знаний о нем определяющим являлся характерный для каждого народа образ жизни – оседлый или кочевой [4], [7], [9]. Для оседлых народов среда обитания сводилась к участку земли, месту, где находились их поселения и жизнеобеспечивающие территории, являясь своеобразным символом. Привязанность крестьянина к земле заключалась в отношении не к абстрактному пространству, а к конкретной местности, полям, лесам. Об этом свидетельствуют примеры с ядерным компонентом *ял* ‘деревня, село’, извлеченные выборочным методом из семнадцатитомного словаря чувашского языка Н. И. Ашмарина: *ял вырӑнӗ* ‘название урочища, место, где когда-то была деревня’, *ял урланки* ‘площадь в деревне’, *ял тулашӗ* ‘место вне деревни’, *ял вӑрманӗ* ‘деревенский лес’, *ял уйӗ* ‘деревенское поле’, *ял сӗрӗ* ‘деревенские угодья (земли)’, *ял кати* ‘деревенская роща’, *ял хысци* ‘зады деревни’, *ял хушиши* ‘улица деревни’.

Понятие *ял си* ‘деревенский мир’ (досл. *ял* ‘деревня’+ *си* ‘поверхность’) является наиболее распространенным и многозначным: это и вселенная, и общество, и согласие, и моральные устои, ценности деревни и т. д. По поводу вышеприведенного примера хотелось бы сделать ссылку на следующую цитату философа-исследователя Р. В. Михайловой, автора монографии «Духовность крестьянства России XX века»: «Осмысление и переживание мира крестьянином нашло выражение в универсалиях культуры (пространство, время, мера, добро, зло, труд, отношения, красота и др.). В их содержании отражается опыт его космического мировосприятия, структура которого представляет отношение к природе, его внутреннему и внешнему миру» [10, с. 200].

Языковое моделирование пространства имеет прежде всего антропоцентрическое, субъектное содержание. Человек постоянно стремится описывать окружающий его мир по своему образу и подобию. Все многообразие форм, присущее связям в пространстве, отражается прежде всего лексико-синтаксическими средствами, например, значениями отдельных лексем, предлогов, послелогов, падежей и т. д. Местонахождением говорящего обусловлено обозначение степени близости / удаленности предмета (*унта* 'там', *кунта* 'здесь', *юнашар* 'рядышком', *аякра* 'поодаль', *ташта* 'где-то'), уточнение правой / левой ориентации (*сылтӓмра*, *сылтӓмӓнче* 'справа', *сулахайра*, *сулахайӓнче* 'слева'), конкретизация по вертикальной оси (*сӓл* 'верх', *аял* 'низ', *сӓлтен* 'сверху', *аялтан* 'снизу'), размещение в пределах / за пределами ориентира (*шалта* 'внутри', *тулта* 'снаружи'), обозначение по горизонтали (*малта* 'впереди', *хысра*, *хысалта* 'сзади, позади', *айккинче* 'сбоку'), объективно и субъективно определяемое расстояние между предметами (*вис ӓтӓмра* 'в трех шагах', *сӓмса айӓнче* 'под носом').

Мы уже отметили, что язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов для выражения пространственных представлений. Данный тезис относительно чувашского языка мы хотим проиллюстрировать на так называемых именных композитах (двучленных номинативных единицах языка) с пространственными семантиками *ай* 'низ, подножие', *ум* 'перед, передняя часть', *си* 'верх, верхняя часть', *хыс* 'зад, задняя сторона', *вар* 'середина', *ен* 'сторона'.

Эти единицы несут в себе широкую палитру пространственных значений и образованы по структурной словообразовательной модели первого типа изафета. Эти названия-номинативы встречаются в терминологической лексике самого широкого профиля: в названиях разных понятий, связанных с этнографией и историей народа. Преобладающее большинство композитов прочно утвердилось в стабильном общенародном словарном запасе (*халхай* 'подворотня', *сакай* 'поднарье', *хырӓмай* 'часть упряжки лошади', *аласи* 'колосья, которые во время подсева выходят наверх', *алкум*, *тӓртӓм* 'крыльцо', *турум* 'божница', *акаси* 'время весеннего сева', *хӓрси* 'девичество' и т. д.). Интересно, что по данной модели в языке образованы также некоторые названия представителей растительного и животного мира, названия грибов, хозяйственных построек (*юрай* 'подснежник', *супахай* 'подлещик', *шывси* 'верхоплавка, уклейка' и т. д.). Есть и такой пример в чувашском языке: о забеременевшей женщине говорят *сие юлӓнӓ*. Последний случай представляет собой не изафетную конструкцию, а глагольный композит, но компонент с пространственной семантикой *си* 'верх, поверхность' в нем присутствует. Согласно верованиям древних тюрков, в том числе и предков чувашей, вертикальная модель мира включает в себя три яруса – верхний, средний и нижний. Приведенные выше примеры, по нашему мнению, говорят в пользу именно этого тезиса.

Человек имеет дело прежде всего с тем пространством, которое прилегает непосредственно к его телу [2], [5], поэтому в чувашском языке основными компонентами многих устойчивых сочетаний с пространственной семантикой являются соматизмы *пус* 'голова', *кус*, *куссем* 'глаз, глаза', *нит* 'лицо', *какар* 'грудь', *ала*, *аласем* 'рука, руки', *ура*, *урасем* 'нога, ноги', *сурӓм* 'спина' (см. случаи широкого использования носителями языка наречных композитных образований с этими соматизмами: *пуса-пусӓн* 'голова к голове', *ните-нитӓн* 'лицом к лицу', *алла-алаӓн* 'рука об руку', *куса-кусӓн* 'глаза в глаза', *тӓрте-тӓртӓн* 'спина к спине'). Из приведенных примеров становится ясно, что пространственная близость передается в композитных сочетаниях в основном при помощи названий частей человеческого тела, что объясняется тесной близостью и высоким значением данной сферы для человека.

Оппозиция «верх – низ» охватывает всю сферу духовного и материального мира древних тюрков. Понятие «верх» у тюрков осознавалось как наилучшее проявление сущностей объективного мира – верховное божество, верховная власть каганов, высокий социальный статус военачальников и беков. Среди композитных образований чувашского языка немало примеров со вторым повторяющимся компонентом *пуç* ‘голова’: *çарпуç* ‘полководец, воевода’, *ял пуç* ‘деревенский воротила, староста, председатель’, *кĕлĕ пуç* ‘совершающий моление во время общественного мольбища’, *кил пуç* ‘глава дома, хозяин’, *карта пуç* ‘глава хлеба (название духа)’. Интересными представляются также случаи, когда одно и то же значение может быть выражено совершенно разными образными языковыми средствами. Например, яркой и емкой пространственной метафорой являются выражения *ал айĕнче* ‘под рукой’, *сăмса айĕнче* ‘под носом’, *кут айĕнче* ‘под задом’. Таким образом, приведенные примеры выступают как эталоны пространственных координат и несут в себе ярко выраженную антропологическую направленность.

Как известно, богатство языка проявляется в его глаголах. Широкая палитра пространственных отношений в разных языках выражается при их помощи. Известно, что в русском языке глагол характеризуется ярко выраженной грамматической семантикой вида: совершенного и несовершенного.

В чувашском языке нет ярко выраженной грамматической категории вида, но от этого, следует подчеркнуть, язык не страдает, характер протекания действия в чувашском языке также находит богатое выражение в виде особых глагольно-аналитических конструкций. Сочинения Н. И. Ашмарина, уже упомянутого в нашей статье, изобилуют множеством метких наблюдений над природой аналитических конструкций, передающих различные смысловые и видовые оттенки. Так, исследователь отмечает важную роль речевого контекста при передаче тех или иных видовых различий. В частности, функцию обозначения повторяемости действия нередко выполняют обстоятельственные слова, выраженные наречиями: *Вăл пĕрмай ухутана çÿрет* ‘Он постоянно ходит на охоту’. А однократность действия выражается с большей силой и определенностью при помощи употребления наречия *пĕрре, пĕр*: *Юрласа кăтарт-ха пĕрре!* ‘Спой-ка разок!’ [1, с. 42]. В любое предложение с предикатом пространственной локализации возможно включение и временного компонента (*ирхине* ‘утром’, *каçхине* ‘вечером’), и компонента качественной характеристики действия / движения (например, *хăвăрт* ‘быстро’). Семантические потенции глагольного действия в чувашском языке эксплицируются также с помощью других модификаторных средств, в частности изобразительных слов. Среди них выявляется огромный пласт глаголов, выражающих поведенческую палитру человека: манеру двигаться, говорить, держаться, есть, ходить, сидеть, лежать, смеяться. Это, вероятно, обусловлено коммуникативной необходимостью. Думается, обилие изобразительных слов в чувашском языке свидетельствует о такой ментальной черте народа, как наблюдательность.

Такие аспектуально-модально-временные параметры в чувашском языке, как достоверность / недостоверность, категоричность / некатегоричность, определенность / неопределенность, очевидность / неочевидность, возможность / невозможность, осознанная необходимость выполнить что-либо, постоянно сопровождают глагольное действие и выражаются с помощью грамматических аффиксов и аналитических форм причастий и деепричастий. В русском языке эти значения грамматически не значимы и выражаются по мере надобности при помощи модальных слов (*вероятно, возможно, обязательно, оказывается*).

В этом проявляется особая ментальность носителей тюркских языков. По мнению татарского исследователя Н. Х. Салеховой, повторные, или редупликативные, наречия

(день ото дня, из года в год), удвоенные деепричастия на *-а* относятся к «аспектуальным спецификаторам длительности», а наречия *то и дело, время от времени* и т. п. – к «аспектуальным спецификаторам кратности действия» [11, с. 40–42].

Семантические потенции глагольного действия в чувашском языке эксплицируются также с помощью специфических средств. В качестве таких средств могут выступать пространственные наречия и наречные выражения. Универсальное противопоставление *аякра / çывăхра* ‘далеко / близко’ является объемным по своему содержанию и охватывает множество лексических единиц: это наречия *близко, далеко, неблизко, недалеко, дальше, ближе, поблизости, вблизи, вдалеке, невдалеке, неподалеку* и др. Эти слова включают сему пространства и являются выразителями дистанционных оценок на горизонтальной оси.

Данная сфера имеет также ярко выраженное антропоцентрическое субъективное содержание и связана с восприятием лица. Особенно активны в этом плане 1) редуцированные (повторные) формы наречий и деепричастий: *Куллен-кун (кунран-кун) лайăх апат çитернĕ* ‘С каждым днем питание становилось все лучше’, *Кас-кас çил вĕрсе ярат* ‘Порывами-порывами дует ветер’, *Пĕр-пĕр пырăп-ха* ‘Как-нибудь зайду’; 2) пространственные послелого (чув. *хыç сăмахсем*), которые являются уникальным средством выражения конкретных пространственных значений ‘*через, среди, вокруг, вниз, верх, навстречу, до*’.

Резюме. Категория пространственности в чувашском языке представлена многослойно, она репрезентируется на всех языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом). Языковое моделирование пространства специфично, язык каждого народа имеет свои средства и свою национальную систему способов выражения пространственных представлений. Изучение языкового выражения пространства на данном этапе развития лингвистической мысли остается актуальным и для тюркских языков. Для восстановления целостной картины древнетюркской духовной культуры необходимо объединить усилия лингвистов, фольклористов, этнографов, философов, археологов, занимающихся проблемами истории и культуры тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса : в 2 ч. Ч. 2. – Симбирск : Изд-во Симбирского союза потребительских обществ Чувашской автономной области, 1923. – 276 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
3. Ермакова Г. А. Отражение национальной картины мира в семиотике языковых единиц лирики М. Сеспеля и Г. Айги // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 2. – С. 299–305.
4. Колесов В. В. Язык и ментальность. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 237 с.
5. Краткая философская энциклопедия. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. – 576 с.
6. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 1997. – С. 84–93.
7. Культура и этнос : учебное пособие / сост. Л. В. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002. – 160 с.
8. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие. – М. : Академия, 2001. – 202 с.
10. Михайлова Р. В. Духовность крестьянства России XX в.: социально-философский анализ. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. – 219 с.
11. Салехова Н. Х. Средства выражения временной и аспектуальной характеристики действия в их отношении к категории времени татарского глагола // Очерки по морфологии татарского глагола. – Казань, 1978. – С. 27–45.

**SPATIAL MENTALITY AND MEANS OF ITS EXPRESSION
IN THE CHUVASH LANGUAGE**

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract. The article is devoted to spatial representation and the description of the means of expression in the Chuvash language. Modern linguistic thought manifests increasingly growing interest in the reflection of spatial relations in language and speech. It is explained by the nature of common universal spatial relations, which manifest in language through a system of multi-dimensional structures specifically refracted in speech situations. All the variety of forms of spatial relations is reflected primarily by means of lexical and syntactic means and also by the meanings of prepositions (postpositions) and cases. Language modeling of space is specific, the language of each nation has its own means and methods of national system for spatial representations. This category in the Chuvash language is represented at all semiotic levels, and they express spatial meanings in close cooperation with each other, which is caused by systemic-holistic nature of the language.

Keywords: *spatial mentality, cognitive analysis, spatial relations, concept representation, nominative and communicative level of language, linguistic modeling of space.*

REFERENCES

1. *Ashmarin N. I. Opyt issledovanija chuvashskogo sintaksisa : v 2 ch. Ch. 2. – Simbirsk : Izd-vo Simbirskogo sojuza potrebitel'skih obshhestv Chuvashskoj avtonomnoj oblasti, 1923. – 276 s.*
2. *Berdjaev N. A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M. : Nauka, 1990. – 224 s.*
3. *Ermakova G. A. Otrazhenie nacional'noj kartiny mira v semiotike jazykovyh edinic liriki M. Sespelja i G. Ajgi // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2011. – № 2. – S. 299–305.*
4. *Kolesov V. V. Jazyk i mental'nost'. – SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2004. – 237 s.*
5. *Kratkaja filosofskaja jenciklopedija. – M. : Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Jenciklopedija», 1994. – 576 s.*
6. *Kubryakova E. S. O ponjatijah mesta, predmeta i prostranstva // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstva. – M., 1997. – S. 84–93.*
7. *Kul'tura i jetnos : uchebnoe posobie / sost. L. V. Shheglova, N. B. Shipulina, N. R. Surodina. – Volgograd : Peremena, 2002. – 160 s.*
8. *Lotman Ju. M. Vnutri mysljashhij mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. – 464s.*
9. *Maslova V. A. Lingvokul'turologija : uchebnoe posobie. – M. : Akademija, 2001. – 202 s.*
10. *Mihajlova R. V. Duhovnost' krest'janstva Rossii XX v.: social'no-filosofskij analiz. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1997. – 219 s.*
11. *Salehova N. H. Sredstva vyrazhenija vremennoj i aspektual'noj harakteristiki dejstvija v ih otnoshenii k kategorii vremeni tatarskogo glagola // Ocherki po morfologii tatarskogo glagola. – Kazan', 1978. – S. 27–45.*

© Semenova G. N., 2016

Semenova, Galina Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: gncemenova@yandex.ru

The article was contributed on April 28, 2016